

ЛИЧНЫЙ ЗАКОН ЦИФРОВОГО КОЧЕВНИКА

© **Блинова Юлия Викторовна**

кандидат филологических наук, доцент,
Алтайский государственный университет
Россия, 656049, г. Барнаул, ул. Ленина, 61
jblinova@yandex.ru

Аннотация. Свобода жительства и экономической деятельности в европейском пространстве все больше реализуется с помощью интернета: лицо может не иметь места жительства, вести бизнес откуда вздумается. Появилась новая категория лиц — цифровые кочевники, под которыми понимают лиц, работающих исключительно в онлайн-среде, без разделения работы и отдыха, стремящихся к достижению профессиональной, пространственной и личной свободы. Правовое положение цифровых кочевников определяется личным законом — законом гражданства или законом домицилия/законом места жительства. При этом в связи с отсутствием у цифровых кочевников определенного места жительства их правовое положение фактически будет определяться законом места исполнения работы, что, в свою очередь, требует обращения к более детальным критериям.

Ключевые слова: международное частное право, коллизионное регулирование, личный закон, физическое лицо, цифровой кочевник, закон гражданства, закон места жительства, национальный закон.

Свобода жительства и экономической деятельности, провозглашенная еще в 1957 году при учреждении Европейского экономического сообщества, в европейском пространстве все больше реализуется с помощью интернета: лицо может не иметь места жительства, вести бизнес откуда вздумается. Однако, как замечает Н. Браун, если в интернете и нет границ [3, р. 1365; 4, р. 4; 6, р. 133], законы конкретного государства по-прежнему применимы; потому в отношении некоторых категорий лиц определение юрисдикции и применимого права вызывает затруднение [1, р. 6]. И это даже несмотря на то обстоятельство, что почти 50 стран разработали т. н. визы цифровых кочевников [2, р. 4].

Прежде чем обратиться к личному закону цифрового кочевника, целесообразно определиться с самим понятием. По мнению И. Райхенбергер, цифровой кочевник — это молодой специалист, работающий исключительно в онлайн-среде, который при этом ведет независимый от места жительства и зависящий от путешествий образ жизни, где границы между работой, отдыхом и путешествиями размыты [5, р. 2]. Схожее определение понятия «цифровой кочевник» предлагает Т. Васдани [7, р. 10]. Цифровые кочевники стремятся создать целостный образ жизни, характеризующийся всеобъемлющей свободой, когда обе сферы жизни (работа и отдых. — прим. Ю. Б.) рассматриваются как одинаково приятные, что достигается через профессиональную, пространственную и личную свободу [5, р. 2].

Классификационно можно выделять т. н. цифровых кочевников полного, неполного рабочего дня и лиц с элементами цифрового кочевничества [5, р. 10]. Первые не имеют постоянного места жительства в течение года; вторые имеют дом и путешествуют несколько месяцев в году; третьи в основном живут дома, но могут позволить себе выехать с работой на пару недель или работать в коворкинге, кафе. Таким образом, совмещая работу и отпуск, миллениалам при помощи глобального развертывания высокоскоростного интернета, онлайн-инструментов для совместной работы, повышения цифровой грамотности удается уберечь себя от «крысиных бегов» и «менталитета с 9 до 5» [E. Demaj, A. Hasimja, A. Rahimi, цит. по: 2], чему в немалой степени способствовала пандемия коронавируса.

С. Бруурс формулирует четыре основные характеристики цифровых кочевников: 1) удаленная работа с использованием технологий; отсутствие фиксированного физического рабочего пространства; 2) ведение определенного (минималистского) образа жизни с объединением работы и отдыха на основе личных предпочтений; 3) ориентация чаще всего на результат, а не на фиксированное количество часов; 4) создание общей идентичности [2, р. 6]. Как видно, цифровые кочевники имеют определенное сходство с дистанционными и командированными работниками, но в отличие от последних способны сами создавать себе рабочее место, организовывать рабочий процесс и пр.

Применительно к цифровым кочевникам Н. Браун и Т. Васдани называют нижеследующие фундаментальные проблемы: 1) определение, когда лицо действует в качестве потребителя, поскольку включается специальный режим; 2) определение места исполнения услуги для установления соответствующей юрисдикции; 3) определение места предъявления иска; 4) определение государства, с которым договор наиболее тесно связан, если исполнение имело место во многих государствах [1, р. 7]. В свете же приведенной С. Бруурсом статистики, согласно которой на конец 2022 года в мире насчитывалось 35 миллионов цифровых кочевников [2, р. 6], становится понятным беспокойство многих юристов по поводу новой категории лиц.

В международном частном праве традиционно личный закон физического лица определяется при помощи двух основных правил: закона гражданства и закона домицилия/закон места жительства. Если государство, рассматривающее конкретный спор с участием иностранного лица, относящегося к категории цифрового кочевника, исходит в своих коллизионных нормах из закона гражданства, то проблем в части определения личного закона физического лица не предвидится, за исключением бипатридов и апатридов.

В разных государствах в отношении личного закона бипатридов и апатридов часто предусматривается в качестве резервного правила закон места жительства или закон эффективного гражданства. Соответственно, в основе преодоления неопределенности правового положения названных лиц лежат критерии места жительства или места работы, значит, анализируемые проблемы и способы их решения могут быть распространены в т. ч. на лиц, у которых критерий гражданства для определения личного за-

кона не работает. Иные потенциальные проблемы в отношении цифровых кочевников связаны, например, с вопросами определения применимого права к трудовому или гражданско-правовому договору, если стороны не избрали его сами.

Основные сложности с участием цифрового кочевника появляются при рассмотрении спора, если в стране суда придерживаются правила закона домицилия (по смыслу англосаксонского права) или закона места жительства (по смыслу стран континентального права). По словам Н. Брауна, в то время как обычно понятия «домицилий» и «место жительства» рассматриваются как механизмы обеспечения безопасности и определенности применительно к потребителям, в отношении цифровых кочевников, не имеющих никаких связей с географией, это может представлять определенный риск [1, р. 11].

В странах общего права при обсуждении дела с участием цифрового кочевника такому лицу трудно, если не невозможно, избавиться от домицилия по происхождению, поскольку цифровой кочевник не имеет намерения жить где-либо, а в отсутствие субъективной составляющей отказа от домицилия по происхождению в пользу нового не происходит [1, р. 12]. Получается, лицо вынуждено пользоваться законом домицилия по происхождению, который, как правило, не отвечает реальному положению дел.

Трудности иного порядка уготованы суду при определении личного закона цифрового кочевника в странах, где коллизионное регулирование личного закона физического лица базируется на законе места жительства, поскольку цифровой кочевник, по крайней мере в полном смысле этого слова, — это лицо, не имеющее постоянного места жительства в течение года. В связи с этим возникает необходимость поиска т. н. эффективного места жительства, которое, в свою очередь, определяется главным образом по месту работы или месту жительства семьи и пр.

Индивидуализация трудовых отношений из-за глобализации, гибкости и цифровизации приводит к тому, что в поисках эффективного места жительства цифрового кочевника необходима оценка судом в каждом конкретном случае всех обстоятельств, в частности, модели работы и поездок, модели отношений цифрового кочевника с работодателем — сотрудник организации или самозанятый и пр. В результате наметились ниже следующие критерии определения места работы: 1) количественные (продолжительность работы в каждой стране/месте); 2) качественные (выполнение основных обязанностей цифрового кочевника по договору с работодателем); 3) иные (место уплаты налога, система социального обеспечения, пенсии, страхование по болезни и инвалидности, язык договора и пр.) [2, р. 7]. Попутно отметим, что поскольку, как следует из исследования И. Райхенбергер, цифровыми кочевниками являются в основном молодые люди 20–30+ лет, не имеющие собственной семьи [5, р. 9–10], то критерий «место жительства семьи» для установления эффективного места жительства не всегда является значимым для данной категории лиц.

Таким образом, в европейском пространстве появилась новая категория лиц — цифровые кочевники, под которыми понимают лиц, работаю-

щих исключительно в онлайн-среде, без разделения работы и отдыха, стремящихся к достижению профессиональной, пространственной и личной свободы. Правовое положение цифровых кочевников определяется личным законом — законом гражданства или законом домицилия/законом места жительства. При этом в связи с отсутствием у цифровых кочевников определенного места жительства их правовое положение фактически будет определяться законом места исполнения работы, что, в свою очередь, требует обращения к более детальным критериям (количественному, качественному, иным).

Литература

1. Brown N. Law, Jurisdiction and the Digital Nomad. URL: https://neilzone.co.uk/masters/ecom_theme_4_report.pdf?ref=nodesk (дата обращения: 30.04.2023).
2. Bruurs S. Digital Nomads and the Rome I Regulation: An Overview. URL: <https://global-workplace-law-and-policy.kluwerlawonline.com/2022/12/14/digital-nomads-and-the-rome-i-regulation-an-overview> (дата обращения: 30.04.2023).
3. Holland H. B. The Failure of the Rule of Law in Cyberspace: Reorienting the Normative Debate on Borders and Territorial Sovereignty // *Journal of Computer & Information Law*. 2005. Vol. 24. P. 1–33.
4. Post D. G. Against “Against Cyberanarchy” // *Berkeley Technology Law Journal*. 2002. Vol. 17. P. 1365–1383.
5. Reichenberger I. Digital Nomads – A Quest for Holistic Freedom in Work and Leisure // *Annals of Leisure Research*. 2017. № 21(3). P. 364–380.
6. Slane A. Tales, Techs, and Territories: Private International Law, Globalization, and the Legal Construction of Borderlessness on the Internet // *Law and Contemporary Problems*. 2008. Vol. 71. P. 129–151.
7. Vasdani T. Legal Issues Affecting Digital Nomads. URL: <https://www.canadianlawyermag.com/news/opinion/legal-issues-affecting-digital-nomads/275845> (дата обращения: 30.04.2023).

PERSONAL LAW OF A DIGITAL NOMAD

Blinova Yulia V.
associate professor,
Altai State University
Russia, Barnaul
jblinova@yandex.ru

Abstract. Freedom of residence and economic activity today in the European space are getting more and more opportunities for implementation with the help of the Internet: a person may not have a place of residence, conduct business from wherever he wants. A new category of people has emerged — digital nomads, which we can define as people working exclusively in the online environment, without separating work and leisure, striving to achieve professional, spatial and personal freedom. We determine the legal status of digital nomads by personal law — the law of citizenship or the law of domicile/law of residence. At the same time, due to the lack of a specific place of residence for digital nomads, their legal status will actually be determined by the law of the place of performance of work, which in turn requires more detailed criteria.

Keywords: private international law, conflict regulation, personal law, natural person, digital nomad, *lex patriae*, *lex domicilii* (law of residence), national law.